

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коданина А. Л. Политика и журналистика как родственные коммуникационные сферы / Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2–2. С. 444–447.
2. Колянов А. Ю. Профессиональная деформация личности политического журналиста: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Санкт-Петерб. гос. ун-т. Санкт-Петербург, 2007.
3. Бурдые П. О телевидении и журналистике / пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой; отв. ред., предисл. Н. Шматко. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Ин-т эксперим. социол., 2002. 160 с.
4. Пасти С. Современные российские журналисты: отношение к профессии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2012. № 4. С. 22–41.

A. Yu. Kolianov

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

ON THE ISSUE OF PROFESSIONALISM IN POLITICAL JOURNALISM

The article actualizes the necessity to study professionalism in political journalism. The author analyzes structural elements of the problem as well as possible scientific approaches to its solution.

Political communication, political journalism, media and communication studies

УДК 330.16

А. В. Щербина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПОТРЕБНОСТИ В ПЕРСПЕКТИВАХ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО АНАЛИЗА

Человеческие потребности и их иерархия рассматриваются в аналитических перспективах психологии, социологии, антропологии. Специальное внимание уделяется понятиям самоактуализации и самореализации и раскрываются причины и возможные последствия популярности этих понятий. Анализируется культурное значение их ценностной интерпретации в проблемном поле современной эпохи.

Потребность, мотив, цель, влечение, иерархия потребностей, система потребностей, социальный статус, социализация, личность, самоактуализация, самореализация

Потребности современного человека, способы и формы их удовлетворения – потребление – активно исследуются и обсуждаются в текстах по менеджменту, маркетингу, рекламе, связям с общественностью. Зачастую эти обсуждения основываются на представлении о наличии универсальной иерархии потребностей человека, укорененной в его биосоциальной природе. Ценностное измерение этому представлению сообщается интерпретацией потребности в самоактуализации и (или) самореализации в качестве высшей. Всеобщие условия удовлетворения этой потребности связываются с соблюдением прав человека.

Думается, проблемное поле современной эпохи заставляет вернуться к теме иерархии человеческих потребностей и рассмотреть ее в аналитических перспективах социологии, психологии и различных версий антропологии. Сознвая обширность темы и сложность задачи, в данной статье мы напомним о некоторых подходах к проблеме в гуманитарных науках и наметим возможные точки приложения исследовательского интереса. Специальное внимание уделим самоактуализации. Понятия самоактуализации и самореализации будем рассматривать как взаимозаменяемые, допуская, что специальный исследовательский интерес мог бы их различить.

Самореализация личности как потребность и способность оценивается в современном обществе очень высоко. Установка на самореализацию воодушевляет молодых людей получать образование, искать поприще, строить карьеру, заботиться о здоровом образе жизни, добиваться статуса, формулировать жизненные цели, обретать идентичность. Формирование у личности способности к самореализации закладывается в компетентностные модели образовательных программ различного уровня. Наличие у личности установки на самоактуализацию вкупе с инициативностью и креативностью – требование, которое наиболее часто предъявляется работодателями к соискателям.

Символические воплощения гуманитарного знания являются составными частями социального жизненного мира. Одним из плодов современного социологического и, даже в большей мере, психологического просвещения стала широкая конвертируемость представления о самоактуализации как высшей потребности человека. Осведомленность о том, что человек обладает иерархией потребностей, что на вершине этой пирамиды – потребность в самоактуализации, что эта высшая потребность предъявляет себя по мере удовлетворения низших потребностей, по моим наблюдениям, – одно из самых устойчивых «остаточных знаний» современных российских студентов по психологии и социологии.

Достойная внимания задача противопоставить упрощенным и растиражированным идеям А. Маслоу аутентичные взгляды, интерпретированные с учетом эволюции «подлинного», неизвестного широкому кругу, противоречивого исследователя, отчасти выполненная [1], отчасти выходит за пределы темы настоящей статьи. Широчайший спектр суждений и предложений различных технологий, тренингов, руководств по самореализации и самоактуализации личности, исходящих от различных более или менее институционализированных субъектов, обнаруживается вне собственно академического формата.

Объяснить мощное влияние понятия самоактуализации на обыденное сознание людей ссылкой на моду не получается. Ведь в объяснении, в свою очередь, будет нуждаться то, почему именно это стало модным. Тема самоактуализации в качестве центральной была заявлена западной гуманистической психологией. В 60-е гг. XX в. В. Франкл говорил: «Каждому времени требуется своя психотерапия» [2], отмечая, что «сегодня мы, по сути, имеем дело уже с фрустрацией не сексуальных потребностей, как во времена Фрейда», и современный человек «уже не столько страдает от чувства неполноценности, как во времена Адлера». Высказывается предположение, что наиболее актуальной, приковывающей внимание – сначала интеллектуалов, а затем и широкой публики, – оказывается потребность, которая фрустрирована, если говорить на языке психологии, или же удовлетворение которой проблематизируется anomией, если рассматривать вопрос в социологической перспективе.

Интересное объяснение возросшего внимания к потребности самоактуализации и ценностному императиву самореализации предлагают французские авторы Л. Болтански и

Э. Кьяпелло в книге «Новый дух капитализма» [3]. Аргументация авторов направлена на разоблачение капитализма и его «хитрости», его бесконечной эластичности, позволяющей ему учесть любую критику и утилизировать самые высокие потребности и мотивы людей, выработав при этом новые формы угнетения. Упрощая, можно сказать, что «дух капитализма» – это то, что делает его привлекательным, мотивирующим, вовлекающим людей в процесс капиталистического накопления и дает возможность людям оправдывать свою вовлеченность, удовлетворяя при этом потребность в самоуважении и признании другими.

Новый дух капитализма, начиная с 70-х гг. XX в., выставляет себя как способ достижения индивидуальной самореализации через вовлеченность в капитализм и вместе с тем как путь освобождения по отношению к самому капитализму, ко всем предшествующим формам угнетения.

Следуя логике французских авторов, проследим, как капитализм «включает в себя» идею самореализации. Авторы выделяют три духа капитализма. Первый дух пронизан антитрадиционализмом. Потребность личности в автономии и самореализации, санкционированная проектом модерна, удовлетворяется, в противоположность сословному обществу, в рыночной ситуации (рынок рабочей силы), в которой и реализуются жизненные шансы индивидов, выбирающих работу, место жительства и сам образ жизни. Суровая реальность: господство капитала на рынке труда, заводская дисциплина, конкуренция оторванных от корней индивидов, «частичных рабочих», – показывают мнимость освобождения.

На место очерченной предписанным социальным статусом и принадлежностью к коллективу системы потребностей выходит платежеспособный спрос. Система индивидуальных потребностей, освобожденная от диктата сословного статуса, подчиняется диктату ориентированного на максимизацию прибыли производства. Производители благ в погоне за прибылью производят моду и прихоти, попирающие привычки. Желание становится неутолимым, а человек – несчастным.

Эта линия критической аргументации, начатая еще А. Смитом, блестяще развернутая К. Марксом, применительно к состоявшемуся уже в XX в. послевоенному «обществу изобилия» обогащена Ж. Бодрийяром в анализе потребления как «производительной силы». Во втором направлении критического анализа, восходящего к Э. Дюркгейму, показывается, что освобожденные атомизированные индивиды, утратившие принадлежность к коллективу, обречены на аномию. В войне «всех против всех» возможности самореализации для большинства ничтожны.

Социальное государство как воплощение второго духа капитализма оказалось эффективным ответом на внутреннюю критику и на вызов, брошенный обществами «реального коммунизма» (А. Зиновьев). Государственная финансово-кредитная политика, институционализация механизмов социальной защиты решали двоякую задачу: повышения уровня жизни и включения большинства в коллективные действия. Кризис социального государства, начавшийся в 1960–1970-е гг. в европейских странах, актуализировал критику бюрократизации, планирования, всех социальных институтов как механизмов тотального контроля над личностью. Иерархические (властные и управленческие) и профессиональные ограничения канализируют и обедняют потенциально возможные спонтанные творческие проявления личности, которые могли бы привести к обогащению ее многосторонними связями и измерениями. Третий дух капитализма, так называемого «сетевого», – результат рецепции этих критических замечаний.

Настойчиво раздававшиеся требования независимости, ответственности, креативности теперь удовлетворены, поскольку именно эти качества акторов оказываются востребованными в проектах, гибких формах занятости, сетевых организациях. Современный капитализм включил в себя индивидуальную независимость. Теперь она – не только возможность или право, но и требование к людям. Ценность людей определяется их самореализацией, превращенной в критерий оценки. «Навязанная самореализация» оборачивается новой формой угнетения и эксплуатации. (Для обоснования и иллюстрации этого вывода авторы приводят обширный эмпирический материал, собранный в современной Франции.)

Зададимся вопросом: а не оказывается ли требование самореализации столь угнетающим для большинства по той причине, что «высшая» потребность в самоактуализации присуща лишь единицам? По наблюдениям А. Маслоу, – примерно одному проценту населения, в который входят психологически совершенно здоровые, максимально реализовавшие человеческую сущность люди. Кстати, в такой логике, широко представленной в публичном и научном дискурсах, неудачи модернизации и реформ в российском обществе тем более придется вменить косному населению с его менталитетом, характером, культурой, не ориентированными на индивидуальные достижения [4]. Впрочем, население просвещается. «В 90-е годы прошлого века большинство – до 60 % – считало, что благополучие зависит от устройства общества. Сейчас 60 % говорят, что все зависит от самого человека» [5], – делится результатами исследований директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН В. Локосов.

Данный провокационный вопрос был поставлен, чтобы заострить культурное значение ценностной интерпретации «потребности в самоактуализации» для современной эпохи. Но сначала посмотрим на потребности в аналитических перспективах психологии и социологии.

Большинство психологов признает, что потребность выполняет функцию побуждения активности (поведения, деятельности) человека. Е. П. Ильин в основательной монографии [6] подчеркивает, что потребность как психологическое явление бессмысленно анализировать вне мотивационного процесса жизнедеятельности личности. Он последовательно рассматривает предложенные различными авторами взгляды на потребности: потребность – это нужда. Потребность – не сама нужда, а отражение ее в сознании человека. Потребность может пониматься как предмет удовлетворения нужды, как отсутствие блага и как ценность. Потребность можно определить как объективную или субъективную необходимость, как внутреннюю программу жизнедеятельности. Потребность – это отражение объективного отношения между тем, что необходимо субъекту для его оптимального функционирования, и тем, в какой мере он этим реально обладает, это отражение отношения между необходимым и наличествующим. Вводятся категории «потребностные отношения», «потребностная ситуация», «потребностное состояние». Приведем определение Ильина: потребность – это «отражение нужды (нужности, желанности чего-то в данный момент), часто переживаемое как внутреннее напряжение (потребностное состояние) и побуждающее психическую активность, связанную с целеполаганием» [6, с. 38].

В рамках советской культурно-исторической психологии (Л. С. Выготский) и психологической теории деятельности (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев) как ее относительно самостоятельного направления, потребности исследовались в их связи с ощущениями, чувствами, эмоциями, мотивами, установками. Остановимся на некоторых принципиальных выводах из этого анализа.

Объяснения действий людей непосредственно из их потребностей являются односторонними и упускают главное – предметность человеческой потребности. «Иногда специфический для психологии подход к проблеме детерминации поведения усматривается в объяснениях, исходящих из самих потребностей, точнее, из вызываемых ими эмоциональных переживаний, которые якобы только и могут объяснить, почему человек ставит перед собой цели и создает новые предметы» [7, с. 139]. Но потребности определяют конкретную деятельность только своим предметным содержанием.

«Собственно потребность – это всегда потребность в чем-то <...> на психологическом уровне потребности опосредствованы психическим отражением, и притом двояко. С одной стороны, предметы, отвечающие потребностям субъекта, выступают перед ним своими объективными сигнальными признаками. С другой – сигнализируются, чувственно отражаются субъектом и сами потребностные состояния, в простейших случаях – в результате действия интероцептивных раздражителей. При этом важнейшее изменение, характеризующее переход на психологический уровень, состоит в возникновении подвижных связей потребностей с отвечающими им предметами» [Там же]. Только в удовлетворении предметом потребность «узнает себя». Потребление опосредствуется потребностью в предмете, его восприятием или мысленным его представлением. В этой отраженной своей форме предмет и выступает в качестве идеального, внутренне побуждающего мотива. Эта «раздвоенность потребительного производства» – ключевой пункт в рамках данного, разделяемого нами, подхода.

Человеческие потребности, включая витальные, принципиально отличны от потребностей животных: их развитие связано с изменением и обогащением их предметного содержания, его психического отражения, в силу чего они приобретают идеаторный характер и становятся психологически инвариантными. Различие низших и высших потребностей невыводимо из них самих, а только – из их предметного содержания, т. е. мотивов. Высшие потребности не надстраиваются над низшими. Иерархию образуют не потребности, а мотивы.

Разве не очевидно, что человек действует, потому что «желает», «хочет»? Однако субъективные состояния, желания не образуют мотивов и не определяют направленность деятельности, и задача как раз и состоит в определении того, что человек хочет. Гедонистические концепции, сводящие побуждения человека к достижению удовольствий и избеганию страданий, – полуправда, которая хуже лжи. Разумеется, роль эмоциональных переживаний в регулировании деятельности очень важна. Но эмоции не связаны с определенными видами деятельности. Только в абстракции отдельно взятого мотива предмет «помечен» эмоцией. Предметом положительного или отрицательного эмоционального реагирования выступает результат деятельности, ее эффект, соотношенный с мотивом. Так, успех целерациональной деятельности может эмоционально переживаться как поражение в свете ведущего для личности мотива.

Генетически для человека мотив и цель не совпадают. Совпадение – результат либо превращения цели в самостоятельную побудительную силу, либо осознания мотива и превращения его в мотив-цель. Мотивы, в отличие от целей, могут и не осознаваться, лишь сообщая действию его эмоциональную окраску. Несовпадение эмоций и личностного смысла связано с раздвоенностью функций мотивов, вызываемой фактом их множественности: «одни мотивы, побуждая деятельность, вместе с тем придают ей личностный смысл; мы будем называть их смыслообразующими мотивами. Другие, сосуществующие

с ними, выполняя роль побудительных факторов (положительных или отрицательных) – порой остро эмоциональных, аффективных, – лишены смыслообразующей функции; мы будем условно называть такие мотивы мотивами-стимулами» [7, с. 148].

Не степень близости к биологическим потребностям, не аффектогенность мотивов, а распределение функций смыслообразования и только побуждения между мотивами одной и той же деятельности и образуют их иерархию. В структуре одной деятельности данный мотив может выполнять функцию смыслообразования, в другой – функцию дополнительной стимуляции. Однако смыслообразующие мотивы всегда занимают более высокое иерархическое место.

Парадокс состоит в том, что мотивы открываются сознанию только объективно, путем анализа динамики деятельности. Субъективно же они выступают в своем косвенном выражении – в переживаемом желании, стремлении к цели. Субъективно выражающийся в этих внутренних сигналах мотив прямо в них не содержится. Это и создает впечатление, что они возникают эндогенно и что именно они являются силами, движущими поведением.

Для осознания действительных мотивов своей деятельности и их соотношения субъект вынужден идти по «обходному пути», ориентируясь по эмоциональным «меткам» событий. Субъективно они кажутся выражающими психологические «валентности», присущие самим мотивам. Но анализ, как научный, так и житейный, предпринимаемый личностью в рамках решения «задачи на личностный смысл», должен идти дальше, к уяснению иерархических связей мотивов. Образование этих связей, трансформирующих сами мотивы, происходит в системе деятельности субъекта, в которой формируется его личность.

Актуально наличествующая иерархия мотивов может быть интерпретирована как установка, психофизиологический механизм которой раскрывается в концепции доминанты. Формирующаяся в смене возрастов жизни и устойчиво воспроизводящаяся у взрослого человека иерархия мотивов – направленность личности, запечатлевающаяся в характере, отчасти определена природными задатками, отчасти, – процессом социализации.

В социологической аналитической перспективе потребности человека интерпретируются как функциональные требования систем поведенческого организма, личности, социальной системы и системы культуры. Ключевыми процессами здесь выступают процессы социализации и институционализации. Несовпадение в генезисе потребностей, мотивов и целей существенно для социологии и развиваемых в ней теорий социального действия. Процесс социализации – превращение культурно одобряемых целей в смыслообразующие мотивы индивидуальных действий (идеальный тип: ценностноориентированное действие) и превращение предметного содержания мотивов в цели и средства (идеальный тип: целеориентированное действие).

Рационализация как господствующая тенденция современности, по мысли М. Вебера, как раз и обнаруживается в том, что в повседневных жизненных практиках человек ориентируется не на предписанные культурной традицией поведенческие образцы, воплощенные в заповедях и требованиях, а приспосабливается к соображениям интереса. Индивид в большей степени вынужден выстраивать «субъективные потребности в шкалу по степени их сознательно взвешенной необходимости, а затем ориентировать свое поведение таким образом, чтобы эти потребности по возможности удовлетворялись в установленном порядке (принцип “предельной полезности”)» [8, с. 629].

Аристотель называл человеческое желание стремлением, «способным принять решение», т. е. наметить цель и выстроить стратегию достижения результата. Социализирующее воздействие труда, гениально раскрытое Гегелем в диалектике господского и рабского сознания, проявляется в том, что раб приучается удовлетворять чуждые первоначально его мотивам (и потребностям состояниям, и предметностям) цели. Эти цели принудительно встраиваются в его мотивацию, становятся его мотивами, что и есть путь к человечности. У того, кто только совпадает со своей манерой существования, – «некая, не вполне человеческая жизнь». Человек – не носитель человеческих потребностей, а их субъект.

В культуре человеческие потребности всегда интерпретированы. Миф, религия, искусство дают картину человеческих потребностей и структурируют человеческий опыт. В интерпретированной традиционной культурой системе потребностей не только «высокие», но и «низкие» потребности имеют глубокий смысл. Индивид вовсе не дискредитируется, а, напротив, признается во всех моментах его витальности, о чем красноречиво свидетельствует мифопоэтическое наследие народов.

Системы потребностей в традиционном обществе определяются сословной принадлежностью, а в индустриальном – более пластичным социальным статусом. Резюмированный П. Бурдьё в понятии габитуса блестящий анализ связи социального статуса и системы потребностей позволил нам уяснить всю сложность и многообразие механизмов ее реализации.

Э. Дюркгейм, различив общества органической и механической солидарности, исследовал наиболее высоко ценимые в каждом типе общества индивидуальные потребности и личностные черты. В обществе органической солидарности это – потребность в труде и трудолюбие. Само разделение труда имеет моральное значение. Уже А. Смит различию производительного и непроизводительного труда дает моральную оценку. С нескрываемым отвращением он осуждает созерцательное отношение к жизни, привычку «глазеть по сторонам».

И витальные, и познавательные потребности рассматриваются только с точки зрения того, как их удовлетворение влияет на способность к производительному труду. Производительный труд основан на трудолюбии и бережливости, тогда как непроизводительный – на праздности и развращенности. Потребность познания одобряется только в том случае, если она реализуется в производительном труде ученого и теоретика, который, хоть и не изготавливает предметы, но наблюдает окружающее и комбинирует наиболее отдаленные друг от друга силы и несходные предметы и, стало быть, производит нечто, пригодное для обмена и делающее из него добропорядочного человека-торговца.

Превращение труда и профессиональных забот в смыслообразующий мотив деятельности личности санкционируется протестантской этикой и оценивается как религиозная заслуга. М. Шелер проницательно замечает, что протестантизм лишает потребность в трудовой деятельности ее религиозно-нравственных границ, вызывает к жизни трудовой энтузиазм, который и демонстрирует изменение самих мотивов, предметным содержанием которых перестает быть «божий мир». Остается мир как голая материя, сопротивление которой преодолевается трудовым энтузиазмом. Лишь затем появляются жажда наживы и безграничное приобретательство и, в последнюю очередь, потребность в новых наслаждениях и погоня за ними [9].

В индустриальном обществе профессия и уровень управленческой позиции – идентифицирующий тип, по которому судят о личных потребностях и способностях человека. Диктат потребностей со стороны статуса, нормализация потребностей, предусмотренная

дисциплинирующим воздействием индустриального общества с его фабриками, заводами, казармами, лагерями, кажется, устраняют личностный выбор. Различными реакциями на эту нормализацию потребностей выступают требования восстановления подлинного человека с его уникальным опытом и не подчиненной культурным запретам сексуальностью. В условиях, когда потребности вменяются, а желания предписываются, только волевое, а не реактивное поведение объявляется человеческим (Ницше о «декаденсе желаний»).

И только гораздо позднее, на фоне осознания кризиса индустриального общества и всего «проекта модерна», полнота человеческой жизни, счастье человека перестают связываться с трудом, с господством над природой, как, впрочем, и с освобождением труда. В этом – смысл проекта «коммуникативной рациональности».

Интерпретация человеческих потребностей в поле гуманитарных наук, ориентированных на положительное знание, отлична от анализа их в религиозной (например, католической, православной, буддийской) и философской антропологии. Как эти различающиеся перспективы конфигурируются в социально-моральном языке, здравом смысле, в концепциях реальности, вплетенных в жизненные практики современного человека, – вопрос, заслуживающий самостоятельного рассмотрения.

М. Фуко отмечает, что проект позитивных гуманитарных наук возникает в рамках просветительской установки на обнаружение нормального, регулярно воспроизводимого в человеческом поведении, и детальный анализ, причинное объяснение, корректировку и исправление всего отклоняющегося в поступках, словах, телах. Дисциплинарное общество – это социальная организация, которая вызывает к жизни новое научное знание о человеке. Его предмет – устойчивые, повторяющиеся, регулярно воспроизводимые связи в проявлениях человеческого мышления и действия. Отклоняющееся поведение исследуется с точки зрения укрепления социальных институтов, усложнения социальных структур. Позитивные науки открывают законы, охватывающие всех. Знание этих законов позволяет создавать технологии, прогнозы, инструкции.

Нормальные потребности человека, их нормальная иерархия интерпретируются в предметных полях гуманитарных наук. Социолог связывает структуру потребностей, их гетерогенность, вариативность и устойчивость в историческом времени и культурном пространстве с социальной идентичностью, с групповой принадлежностью и межгрупповыми интеракциями [10].

Социализация потребностей в обществе (в отличие от общности, первичной социальности) – предмет социального контроля и управления, а также и самоконтроля. Ф. Теннис противопоставляет изначально социальные потребности человека – естественную потребность разделить свою жизнь с окружающими, органически слитую с половым инстинктом, инстинктами кровного родства и расположенности к тем, кто принадлежит ближнему кругу общения, – потребностям современного атомизированного человека. Его избирательная воля «никогда не может заключать в себе прямое утверждение других существ», вынуждена «вновь и вновь задаваться вопросом об основании или цели такого утверждения, и может открыть это основание или цель только в связи с собственным благополучием» [11, с. 178–179]. Потребности как дисбаланс ожиданий и фактических обстоятельств жизни могут реализовываться только в приспособлении индивида к социальному окружению. В этом приспособлении велика роль подражания, моды (Г. Тард).

Политическая экономия начинает с различения необходимых потребностей, потребностей, диктуемых модой, и, наконец, прихотей. Потребности подразделяются на имеющие естественную границу (А. Смит простодушно рассуждает о границах вместимости желудка) и те, которые не могут быть удовлетворены и кажутся не имеющими границ. Она пытается установить справедливую цену труда, отвечающую необходимым, т. е. привычным потребностям. Потребности исследуются в контексте размышлений о необходимом и прибавочном труде, о том, какой разнообразный труд необходим для обеспечения круга потребностей ремесленника, поденщика, фабричного рабочего (в отличие от «голового дикаря с кусочками золота в волосах»), и какие возможности обмена и накопления капитала вытекают из этого. Современные экономические теории рационального выбора также имеют дело с человеком и его стандартным «списком предпочтений».

Психология, в свою очередь, в исследованиях психики исходит из прагматики нормализации удовольствий и страданий, разрядки, катарсиса, устранения дисбаланса, восстановления равновесия, избавления от отклонений и патологий и претендует на создание технологий и терапевтическое воздействие на индивида, группу, общество. Но исследование психических процессов само по себе не позволяет судить о социальной и культурной доброкачественности поведения человека. «Процессы, лежащие в основе научения норме и девиантному поведению, по сути своей аналогичны» [12, с. 180].

Разумеется, люди – не слепки общества, поведение которых целиком определяется ситуацией и заданной им социальной ролью. Психика человека – сознание и бессознательное – по меньшей мере, выполняет функции оценки окружающего мира и саморегуляции на этой основе индивидуального поведения. Психология изучает связи потребностей, эмоций, мотивов и ценностных ориентаций ради активизации саморегуляции личности, ее действенности и эффективности, ищет баланс внутренних побуждений и социальных ожиданий, предъявляемых к поведению индивида. Отечественная психологическая наука (А. А. Ухтомский, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, В. Н. Мясищев, Д. Н. Узнадзе, В. А. Ядов и мн. др.) в концепциях доминанты, установки, диспозиционной регуляции глубоко осмыслила опосредованную, избирательную связь личности и социальной действительности.

Характеристики содержания целей и условий их реализации человеком с кругом его потребностей не могут быть раскрыты положительными науками вне интерпретации их культурного значения в конкретно-исторических условиях современной эпохи [13].

Потребности человека – своего рода механизм движения к целям. В человеческой потребности выражается противоречие между тем, что есть (было) и тем, чего не хватает и что должно быть. Только в удовлетворении потребности происходит примирение сторон противоречия внутри субъекта. Но то, что подлежит потреблению и удовлетворяет конкретную потребность (например, в пище), имеет конечный характер по своей природе, а по механизму существования (воспроизводства) потребности носят циклический характер. Прием пищи имеет ежедневный, сезонный характер, и производство пищи (современное сельское хозяйство, пищевая и биохимическая промышленность) также осуществляется циклически – сезонно, годично и т. д.

В удовлетворении потребности в пище (по содержанию) человек – индивид и частное существо. По форме – существо семейное и групповое. В производстве же средств производства и предметов потребления человек – существо сословное, корпоративное, общественное. На первый взгляд получается, что общественная природа человека в ее историче-

ском многопоколенном облике реализуется в деятельности по созданию и воссозданию условий существования в самом широком смысле слова. В самом же потреблении, в осмыслении приоритетов потребления и самих потребностей (на что, когда и как тратить время человеческой жизни) человек как личность, как Я (в телесном, душевном и духовном плане) есть существо индивидуальное.

В экстремальных ситуациях само выживание человека зависит от его представления о своих потребностях, а не от степени удовлетворения объективных нужд (В. Франкл). Итак, удовлетворение потребности, т. е. потребление в объективных формах уничтожения, преобразования, наконец, символического присвоения посредством знака всегда носит личный характер. Цикличность и повторяемость – лишь внешние признаки устойчивости противоречия и его основательности.

Влечение, желание, хотение – субъективные формы, которые принимает потребность (С. Л. Рубинштейн). Семантика слова «влечение» указывает на нацеленность на получение результата, на удовлетворение, в котором раскрываются не только механизм и способ, но и само особенное содержание потребности. Выходя за свои границы, личность раздваивается, множится, раскрывается в разнообразных предметах влечений, и только рассудок и воля, практический разум создает цельную, завершенную во времени человеческой жизни (в смене дней, времен года, возрастов жизни, исторических эпох) картину личности человека в его деятельности и ее результатах. Русское слово «в-лечение» как бы намекает на бессознательную сторону в воспроизводстве потребности, на инстинктивную, животную, страстную сторону ее происхождения, на ее зависимость от иного и от иных, от разнообразного, но конечного по природе своей материала. Но в самой болезни содержится и лекарство – лечение.

Немецкая классическая философия, от Канта до Гегеля, возвращает анализ потребностей как постоянной антропологической предпосылки, как системы общественно-духовных связей человека из экономической, политической и психологической тематики, представленной в трудах английских и французских просветителей XVII–XVIII вв. в восходящую к Аристотелю традицию интерпретации потребностей как механизма формирования целей, идеалов и идеи жизни человека как существа телесного, душевного и общественно-духовного. Неслучайно потребности в их сущностных характеристиках анализируются Гегелем в философии духа, а их категориальный анализ раскрывается в разделе телеологии науки логики. «В праве предметом является лицо, в моральной точке зрения – субъект, в семье – член семьи, в гражданском обществе – гражданин вообще; здесь же, на точке зрения потребностей, предметом является то конкретное в представлении, которое называют человеком; следовательно, только здесь и, собственно говоря, лишь здесь речь идет о человеке» [14].

В историческом межпоколенном измерении можно увидеть, что формирование условий человеческой жизни в государстве, семье, церкви, школе, производстве складывается из суммы воли и имеет характер познаваемой необходимости для каждой личности лишь в меру ее участия в этом процессе, а включенность в него лиц, которые лишь пользуются плодами общих усилий («недопотребление» маргиналов и «сверхпотребление» рантье и псевдоэлиты), носит случайный характер. Только участие человека в созданном на данном историческом этапе разделении труда делает его общественным существом при всех ограничениях расового, национального, классового и возрастного характера.

Человеческая жизнь в ее конкретно-историческом виде – это процесс управления и самоуправления ресурсом времени жизни с точки зрения приоритетов разных потребностей.

Для традиционного человека, т. е. сословно-классового, не «гражданина мира», а представителя национального государства границы личной эволюции в пределах жизни и иерархия потребностей очерчены и опосредованы местом в разделении труда и уровнем управленческой позиции. В «надвинувшемся» обществе позднего модерна навязывается иная модель личности. На вершине иерархии ее потребностей – самоактуализация (А. Маслоу). При том что в условиях «текущей современности» статус ситуативен, идентичность – обуза, мешающая гибкости, а жизненный успех напрямую зависит от скорости избавления от привычек, диктуемой учащающимися циклами социализации/ресоциализации.

В условиях предписываемой, институционализированной индивидуализации, в идеологическом конструкте самоактуализирующейся непрерывно обучающейся креативной личности видится неуклюжая попытка воплотить в субъекте возможность получить, удержать, нарастить капитал неких (в первую очередь информационных) компетенций как гарантию необесценения на рынке труда и идей при масштабной инфляции всего разнообразия мира реальных ресурсов и предметов потребления и меры их учета – обесценении самих денег и богатств, в них выраженных.

С другой стороны, производство бесконечного разнообразия предметов потребления личного пользования с функционалом доступа к информации привязывает целые сферы человеческой жизни и личные потребности к событийно-новостному (клиповому) формату. В такой ситуации «потребность в самоактуализации», интерпретируемая как высшая в универсальной иерархии человеческих потребностей, превращается в небезобидную идеологическую конструкцию. Эта потребность либо беспредметна и принципиально ненасыщаема, либо удовлетворяется в антропологической индивидуальной конкуренции. Возможен и вариант, когда она будет «узнавать себя» и искать удовлетворения в весьма зловещих виртуальных и вполне реальных «жизненных мирах».

Самоактуализация как реализация Я всегда исторически конкретна и предметна. Она включает в себя самопонимание личности и ее выбор, способ чувствовать, мыслить, вести себя, действовать. Она реализует принадлежность и задачу, превосходящие индивидуальное Я.

«Самостоянье человека» (А. С. Пушкин) отсылает к образу вертикали, по которой человек в предзаданных условиях сам выстраивает иерархию своих потребностей и определяет приоритеты, согласно которым он тратит время своей жизни и свою энергию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леонтьев Д. А. Абрахам Маслоу в XXI веке // Психология. Журн. Высш. шк. экон. 2008. Т. 5. С. 68–87.
2. Франкл В. Человек перед вопросом о смысле // Человек в поисках смысла: сб. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
3. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 976 с.
4. Данилова Е. Н. Дискурс выигравших и проигравших в российских трансформациях // Социол. исслед. 2014. № 5. С. 16–26.
5. Чуйков А. Размышления у парадного фасада // Аргументы недели. № 39 (530) от 06.10.2016.
6. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002. 512 с.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
8. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения: сб. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

9. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. URL: [http://krotov/info/libr_min/25_sh/el/er1/html](http://krotov.info/libr_min/25_sh/el/er1/html) (дата обращения: 09.11.2016).

10. Природа конфликта и теория человеческих потребностей // Социальный конфликт: соврем. исслед.: реф. сб. М.: ИНИОН, 1991. С. 52–69.

11. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002. 452 с.

12. Левин К. Модели поведения, понимание и принятие новых ценностей // Разрешение социальных конфликтов: сб. СПб.: Речь, 2000. С. 179–197.

13. Арчер М. Современный кризис: последствия игнорирования четырех ключевых принципов католической социальной доктрины (выступление на XVII Всемирном социологическом конгрессе в Гетеборге, июль 2010 г.). URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/7474829> (дата обращения: 09.11.2016).

14. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.

A. V. Shcherbina

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

HUMAN NEEDS: SOCIAL HUMANITARIAN ANALYTICAL PERSPECTIVES

Human needs and their hierarchy are considered in the analytical perspectives of psychology, sociology, anthropology. Special attention is paid to the concepts of self-actualization and self-realization and the reasons and the possible consequences of their popularity. We analyze the cultural significance of the value of their interpretation of the troubled field of the modern era.

The need, motive, purpose, desire, hierarchy of needs, system requirements, social status, socialization, personality, self-actualization, self-fulfillment